

© 2003 г. ХЕНРИК БИРНБАУМ

**СЛАВЯНСКИЙ, ТОХАРСКИЙ, АЛТАЙСКИЙ:
ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ И АРЕАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ***

Вячеславу Всеволодовичу
Иванову – нашему другу
Коме – по случаю его
семидесятилетия.

1. Объединение трех языковых групп – славянской, тохарской и алтайской – на первый взгляд может показаться загадочным. Две из них, славянская и тохарская, принадлежат к одной и той же языковой семье – индоевропейской (ИЕ) – и, тем самым, генетически связаны, в то время как славянская и алтайская группы не родственны¹, так что любые совпадения или сходства между ними могут объясняться исключительно ареально-типологическими причинами, если только они вообще не являются случайными. Славянский и тохарский, хотя и относятся к одной языковой семье, конечно, не обнаруживают такой близости друг к другу, как славянский и балтийский или, если угодно, славянский и германский или даже славянский и индоиранский или, во всяком случае, славянский и иранская ветвь арийского.

Несмотря на то, что наличие тесной генетической связи между славянским и балтийским можно считать общепризнанным, ее истинный характер остается несколько дискуссионным. Правда, полемика, ведущаяся по этому вопросу, сейчас воспринимается скорее как терминологическая; о четырех возможных подходах к балтославянской проблеме см. [Birnbauм 1970]; о моем нынешнем мнении по этому вопросу ср. [Birnbauм 1998а; 1999а]. Кроме того, важно упомянуть о том, что Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров выдвинули убедительную теорию, согласно которой балтийский праязык – точнее, вероятная общепалтийская морфонологическая модель – напрямую выводится из лежащего в его основе позднеприндоевропейского (ПИЕ) диалекта, тогда как славянский – или, вернее, соответствующая протославянская модель – может быть выведен из него только опосредованно, то есть через промежуточную стадию эволюции от поздне-ПИЕ к протославянскому, стадию, которую можно было бы назвать балтоидной (поскольку она во многом совпадает с гипотетическим протобалтийским состоянием); ср. [Иванов, Топоров 1961]. Другие объяснения балто-славянской языковой близости предполагают вторичную конвергенцию (так в особенности [Бернштейн 1958; 1961: 27–37], а ранее, например, [Stang 1942: 278]; но ср. также [Stang 1939; 1963; 1966: 1–21]), параллельное развитие двух различных, хотя и тесно связанных между собой поздне-ПИЕ диалектов, давших, соответственно, славянский и балтийский языки (так уже в работе А. Мейе об ИЕ диалектах [Meillet 1908], а также у многих его последователей), или даже существование в далеком прошлом общепалтославянского праязыка, или языковой общности (так, среди прочих, [Vaillant 1950: 13–15; 1957], а также множество других лингвистов, вплоть до нашего современника Ф. Кортландта, апеллирующего – как я пола-

* Примечания приводятся в конце статьи.

гаю, без достаточных на то оснований – к применимости "закона Винтера" об удлинении гласных как в балтийском, так и в славянском; ср. [Birnbaut 1999a]).

В отношении связей славянских (равно как и балтийских) языков с германскими мнения расходятся не столь сильно. В этом случае в качестве подтверждения обычно приводится не только территориальная смежность (следствием которой являются многочисленные заимствования) и некоторые общие морфологические особенности – такие, как, например, *-m*-овый показатель творительного падежа ед. ч. и дательного и творительного падежей дв. и мн. ч. в именном склонении² или адъективный суффикс *-isk-* – но также некоторое количество лексических сходжений, ср., наряду с прочими, слова со значением "серебро" (гот. *silubr*, лит. *sidābras*, др.-прусск. *sirablan* A Sg, ц.-слав. **сърѣбро**) и "народ, люди" (д.-в.-н. *liuti*, лит. *liāudis*, ц.-слав. **людикѣ**), а также числительное "тысяча" (гот. *þūsundi*, лит. *tūkstantis*, др.-прусск. *tūsintons* A Pl, ст.-слав. **тысѣци/тысѣци**). Пожалуй, менее вероятно, что грамматическая категория вида (а не только лексическое противопоставление перфектив / моментатив vs. имперфектив / дуратив / итератив), достигшая полного развития в славянском, но в зачаточном состоянии присутствующая также в балтийском и германском, имеет в этих трех языковых семьях общее происхождение (точка зрения, к которой склонялся А. Зенн, полагавший, что категория вида якобы распространилась из германского в славянский и балтийский). Кроме того, необходимо помнить, что славянский (и балтийский) принадлежат к ИЕ языкам группы *satəm* (несмотря на несколько неясных случаев в славянском³), тогда как германский, разумеется, является представителем группы *centum*. Тем не менее, следует отметить, что деление ИЕ семьи на языки *satəm* и языки *centum* в настоящее время – после того, как было установлено, что самая восточная ветвь ИЕ языков, тохарская, демонстрирует отчетливо *centum*-ные черты, и сатемизация была признана результатом вторичного развития (Π)ИЕ, – более не считается важнейшим критерием классификации, как то было раньше. Весьма вероятно, что носители тохарских языков (точнее, их предки) мигрировали на восток до сатемизации, охватившей часть ИЕ языковой общности (см. ниже). Подобным образом, возможно, что носители анатолийских языков – или, если быть точным, их часть – также могли избежать сатемизации вследствие ранней миграции к югу. При этом необходимо отметить, что среди древних анатолийских языков лишь языки северной ветви, а именно, хеттский и палайский, являются языками *centum*, в то время как их южная ветвь, лувийский (носители которого, следовательно, могли прийти в эти места позже, чем носители хеттского и палайского), относится к числу языков *satəm*⁴ (личное разъяснение и уточнение Вяч.Вс. Иванова сравнительно с изложением в [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 98–116, особ. 99–101]). Что касается изоглосс между славянским, балтийским и германским, то Х. Станг, исследовавший фонологические и словообразовательные параллели, а в особенности специфические лексические сходжения между балто-славянскими и германскими языками, пришел к выводу, что их возникновение может быть обусловлено существовавшей в доисторические времена группировкой типа языкового союза (*Sprachbund*), ср. [Stang 1972, особ. 81]; см. также [Stang 1942: 278]⁵.

Если обратиться теперь к генетической близости между славянским и иранским (а также возможному ареальному влиянию последнего на первый), достаточно будет отослать к давним исследованиям этого вопроса М. Фасмером (см. особ. [Vasmer 1923; 1924]) и более поздним превосходным работам О.Н. Трубачева (см. в первую очередь [Трубачев 1967; 1968а; 1968b; 1977; 1979]; ср. также [Зализняк 1962]⁶). Хотя, разумеется, невозможно отрицать генетическую связь славянского с иранским (и с индо-иранским в целом), тем не менее ясно, что многие из сходств и лексических параллелей между этими двумя языковыми группами обусловлены в первую очередь территориальным соседством, если не прямым симбиозом ранних славян и иранских племен (особенно скифов и сарматов), так что возможность лексических заимствований должна учитываться в любом случае, в то время как прочие соответствия, особенно в фонологии, могут быть и случайными; в первую очередь это относится к

развитию *s* после *r*, *u*, *k*, *i* и палатализации велярных перед первичными передними гласными (первая регрессивная палатализация велярных в общеславянском). О некоторых ранних изоглоссах между индо-иранским (арийским) и балто-славянским см. [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 947]. Однако мнение, согласно которому появление славянского как отдельной ветви ИЕ языков обусловлено исключительно, или хотя бы в первую очередь, иранским господством над той частью балто-славянского этнолингвистического комплекса, которая мигрировала к югу (в то время как будущие балты, очевидно, первоначально оставались на своей исходной территории – приблизительно соответствующей нынешней Белоруссии, – откуда они впоследствии расселились на восток, на север и особенно на запад – вдоль побережья Балтийского моря и в прилегающие внутренние районы), по-видимому, не может быть принято. Скорее, эта часть была приведена в движение алтайскими племенами – гуннами, аварами и, возможно, булгарами (протобулгарами), – с которыми славяне в процессе своего этногенеза вступали в интенсивные контакты; подробнее см. ниже.

2. Коротко рассмотрев связи славян с их ближайшими родственниками – балтами, германскими народами, а также (с некоторыми оговорками) с иранцами, – мы можем теперь обратиться к природе генетической связи между славянами и тохарами. Для начала скажем несколько слов о тохарском языке и о тохарах, а также о нынешнем состоянии исследований в области тохаристики.

Тохарский язык (см. короткое введение общего характера – [Тохарские языки 1959]) был открыт лишь в самом конце XIX столетия в Китайском Туркестане (Центральная Азия), точнее – в китайской провинции Синьцзян; он представлен в основном рукописями и рукописными фрагментами, датируемыми VI–VIII вв. н.э.⁷ (или, шире, второй половиной первого тыс. н.э.). В самом начале XX века была установлена их принадлежность к ИЕ языкам [Sieg, Siegling 1908]; по большей части они написаны индийским письмом и представляют собой буддистские тексты, переведенные с санскрита. Один манихейский текст на тохарском написан вариантом арамейского письма и датируется X в. н.э. Две разновидности тохарского, называемые тохарским А (или восточнотохарским, иначе турфанским) и тохарским В (или западнотохарским, известен также как кучанский), отличаются друг от друга достаточно сильно, чтобы считаться двумя разными, хотя и близкородственными языками, а не просто двумя диалектами одного и того же языка (как еще иногда утверждается). Складывается впечатление, что тохарский А, каким мы его знаем (а основная часть текстов на этом языке – в первую очередь буддийская драма, известная под санскритским названием "Maitreyasamiti", или "Встреча с Майтреей", т.е. Буддой будущего, в 27 действиях или разделах, имеющая сохранившуюся параллельную уйгурскую, или древнетюркскую, версию – находится в процессе публикации и републикации⁸), был скорее "мертвым", священным языком, тогда как тохарский В функционировал как "живой" идиом, использовавшийся для различной, не только административной, деятельности, а также в юридических целях (в буддийских монастырях). Несмотря на это, тохарский А является более инновационным из двух языков, а тохарский В – более архаичным. В области морфологического строя оба тохарских языка достаточно консервативны с точки зрения глагольной системы, тогда как система имени претерпела радикальные изменения по сравнению с исходным ПИЕ состоянием [Beekes 1995: 20, 92, 323].

Изучение тохарских языков в определенной степени затруднялось отсутствием как полного критического издания уже известных текстов, так и отвечающего современным требованиям исчерпывающего грамматического описания или удовлетворительного словаря, в особенности содержащего сведения по этимологии тохарских лексем. Тем не менее, значительные успехи в тохаристических исследованиях, бесспорно, были достигнуты еще много лет назад, пусть даже работы того времени не во всем соответствуют нынешним высоким методологическим стандартам. В этой связи заслуживают упоминания публикация Э. Зигом и В. Зиглингом сохранив-

шихся тохарских текстов ([Sieg, Siegling 1921], а также [Sieg, Siegling 1949–1953] – второе издание, исправленное и прокомментированное, вышло в 1983 г. под редакцией В. Томаса) и их же тохарская грамматика (в соавторстве с В. Шульце, 1931, содержащая почти полное описание тохарского А), а также учебник тохарского (в двух частях) В. Краузе и В. Томаса ([Krause, Thomas 1960–1964] с обширной библиографией). Этимологические словники А.Й. Ван Виндекенса [Van Windekens 1976: 139–614; 1989] несколько односторонни и не слишком точны. Вполне отражая тогдашнее положение дел, они тем не менее характеризуются чрезмерной спекулятивностью, за что и были подвергнуты суровой критике. Посмертно изданные материалы к тохарскому историко-этимологическому словарю Й. Хилмарссона [Hilmarsson 1996] остались лишь набросками вследствие безвременной кончины автора. Полезный обзор – отражающий тогдашний уровень знаний – взаимосвязей между тохарским А и тохарским В был выполнен в 1963 г. Дж.Ш. Лейном [Lane 1966]. Оценка недавних работ по всем вопросам тохаристики содержится в [Thomas 1985]. Более ранние содержательные исследования Х. Педерсена [Pedersen 1941; 1944] также во многом сохраняют свое значение. Совсем недавно был издан первый том монографии Д. Ринджа-мл. о хронологии звуковых изменений в тохарском [Ringe 1996], посвященный эволюции от ПИЕ к пратохарскому (автор категорически отвергает – на мой взгляд, справедливо – так называемую "глоттальную теорию", см. [Ringe 1996: XVIII, 3]); во втором томе будет прослежено развитие от пратохарского к обоим письменно засвидетельствованным языкам. Эта работа также содержит подробную библиографию. Из общих работ последнего времени мы можем также назвать превосходное введение Ж.-Ж. Пино [Pinault 1989]⁹. Указаний и ссылок, данных выше, достаточно для того, чтобы по крайней мере в общих чертах обрисовать нынешнее состояние исследований в области тохарского. Некоторые другие, более специальные работы будут упомянуты в соответствующих разделах.

Прежде чем кратко охарактеризовать некоторые схождения между славянским и тохарским в области словаря и морфосинтаксиса, полезно отметить, что В. Порциг в своей монографии о членении ИЕ языкового пространства на соответствующей диаграмме поместил славянский рядом с тохарским, а на другой диаграмме – балтославянский рядом с тохарским, в последнем случае отметив стрелкой раннюю миграцию тохар (или, скорее, их предков) к востоку [Порциг 1964: 70–74]¹⁰. В статье Т. Лера-Сплавинского, посвященной месту славянского и тохарского среди ИЕ языков [Lehr-Spławiński 1957–1958], хотя и принимаются многие гипотезы и выводы, принадлежащие Порцигу, содержится также и полемика с некоторыми из них. Так, польский славист – вслед за Порцигом и другими – упоминает общий для балтославянского и тохарского суффикс отадективных абстрактных существительных – слав. *-yŋi/-yŋa*, балт. *-inē*, тох. *-une* (при этом в славянском данный суффикс случайным образом используется также для образования названий лиц женского пола от существительных мужского рода, а также в нескольких неясных случаях; ср. [Sławski 1974: 139–141]) – и лексико-семантическую изоглоссу: ст.-слав. *рѣкъ* "говорю", *рѣчь* "слово, речь" – тох. *A rake*, *B reki* "слово" (в то же время индо-иранский и германский дают значение "определять"; ср. также родственное славянское *рокъ* "срок, период"). Однако основной пафос статьи Лера-Сплавинского в ином. Следуя идеям своего соотечественника Т. Милевского, он предполагает, что до своего раннего ухода с предшествующих мест обитания, двигаясь мимо северных отрогов Кавказа, предки тохар интенсивно контактировали с протогерманскими, протобалтийскими и протославянскими племенами, между которыми впоследствии установились более тесные связи – известные нам языки этих групп обнаруживают очень большое количество общих черт – прежде, чем германские племена в свою очередь покинули центральные районы расселения индоевропейцев (локализуемые примерно в Центральной или Юго-восточной Европе) и, подобно тохарам на востоке и анатолийцам (хеттам и лувийцам) на юге, двинулись на периферию – в данном случае, на север – ИЕ

территории. Более детальное изложение этой концепции и дополнительную аргументацию см. в [Milewski 1993].

В данном контексте следует также упомянуть, что, рассматривая "теорию волн" Й. Шмидта, призванную более адекватно отразить группировку ИЕ диалектов и языков, нежели односторонняя модель "генеалогического древа" А. Шлейхера, Р. Антила помещает будущие языки периферии, хеттский и тохарский, в центре своей карты-диаграммы ИЕ диалектов (причем тохарский рядом как с балтийским, так и со славянским), поясняя, что, хотя тохарский и хеттский занимают центральное положение на карте даже несмотря на то, что они засвидетельствованы на границах ИЕ территории, "здесь нет никакого противоречия, поскольку анализ хронологии диалектных изменений показывает, что в отношении изоглоссы тохарский и хеттский занимают консервативное положение – они, как правило, не имеют никаких общих инноваций с другими подгруппами. Поэтому весьма вероятно, что они уже покинули свою исконную прародину к тому времени, когда в центральной зоне осуществилось большинство инноваций" [Anttila 1972: 304–307]. О ранней миграции тохар к востоку см. еще [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 935–938]¹¹. Особый статус анатолийских языков, тохарского А и тохарского В обсуждался также в работах [Schmidt 1992; Winter 1997].

Возможно, наиболее детальное рассмотрение проблемы связей между славянским (точнее, балто-славянским) и тохарским содержится в посвященной этому вопросу статье В. Георгиева [Георгиев 1958]. Невозможно перечислить здесь все его многочисленные аргументы. Достаточно указать, что, после кратких вводных замечаний, в которых *septum-satəm* аргумент отвергается как устаревший и более не имеющий решающего значения для отнесения тохарского языка к той или иной ИЕ зоне, болгарский ученый переходит сначала к анализу развития ИЕ лабиовелярных в тохарском (демонстрирующем немало общего с балто-славянским), затем – к обсуждению рефлексов ИЕ слоговых плавных и носовых, которые в тохарском – как и в балто-славянском – обнаруживают двоякое развитие: в *är, äl, än, äm* (иногда с *a* вместо *ä* перед сонорным) и в *ur, ul, un, um* соответственно; второй тип рефлексации представлен, как правило, после исходных велярных. Рассматривая далее ИЕ палатовелярные (или палатальные, т.е. *k', g', g'h*), Георгиев несколько неожиданно пытается доказать, что их развитие в тохарском было примерно таким же, как и в балто-славянском, с дальнейшими модификациями, обусловленными фонетическим окружением. Суммируя свои взгляды на фонологические особенности, общие для тохарского и балто-славянского, Георгиев [Георгиев 1958: 15] называет (1) различного рода палатализацию перед *e, i* и *i̇*; (2) делябиализацию исходных лабиовелярных и их последующую палатализацию перед передними гласными и *i̇*; (3) двоякую рефлексацию слоговых плавных и носовых; (4) тохарский гласный *ä*, обнаруживающий, подобно славянским редуцированным гласным *ь* и *ѣ*, тенденцию к выпадению в открытых слогах.

Еще более убедительно выглядит приводимый В. Георгиевым перечень общих для балто-славянского и тохарского морфологических и словообразовательных элементов. Среди них он упоминает окончание инфинитива – балтийское и славянское *-ti, -tsi* в обоих тохарских языках, – восходящее к ПИЕ **-tei* (или **-tēi*); тохарский претерит на *-ā*, точно соответствующий балтийскому претериту на *-ō*: ср. тох. *V tāka*, лит. *būvo* (< **buūāt*) "он был"; ср. [Krause, Thomas 1960: 237–238]. Тохарским отглагольным прилагательным на *-(a)l* усматривается аналог в виде славянского суффикса активного претеритного причастия II *-l-* (однако см. ниже о серьезных оговорках, высказанных В. Винтером). Одни и те же суффиксы используются в тохарском и славянском при глагольной деривации: ср. тох. *-w-*, слав. *-v-* и тох. *-tk-*, слав. *-tk-* наряду с *-k-*. В списке перечисленных Георгиевым [Георгиев 1958: 17] словообразовательных морфем обращает на себя внимание полное совпадение тохарских В и славянских уменьшительных суффиксов: ПИЕ **-kik-o-* и **-kik-ā-* – тох. В *-ške, -ška*; общеслав. (и ст.-слав.) *-čьkú, -čikú, -čьka, -čika*. Как подчеркивает В. Георгиев, это тохаро-славянское сближение было впервые отмечено Вяч.Вс. Ивановым [Иванов 1958]. О

глагольном префиксе тох. *p(ā)*-, слав. *po-*, образующем соответственно императивные и перфективные глаголы, см. ниже.

Я не буду комментировать здесь обширный список приводимых В. Георгиевым [Георгиев 1958: 17–20] лексических изоглосс; большинство из них, хотя и не все, остаются приемлемыми и при нынешнем уровне наших знаний. О многих из них, а также о нескольких других лексических сближениях см. ниже. В результате своего исследования Георгиев [Георгиев 1958: 20] приходит к заключению, что в далеком прошлом предки германского, балто-славянского и тохарского этносов образовывали особую, северную группу ИЕ общности, распавшуюся не ранее четвертого тыс. или рубежа четвертого–третьего тыс. до н.э. Хотя большая часть аргументов и выводов В. Георгиева кажется мне достаточно убедительной, я полагаю, что предлагаемая им датировка распада – в его терминах – северной группы ИЕ языков все же является чересчур ранней. В связи с этим мне кажется уместным напомнить читателю, что именно Георгиеву принадлежит концепция, согласно которой время формирования протославянского языка относится ко второму тыс. до н.э. – такая дата кажется мне (и другим исследователям) очень сильно удрежденной¹². Ср., впрочем, работу [Mallory 1989], где представлена примерно такая же чрезвычайно ранняя хронология праистории тохар (см. ниже). Я склонен скорее согласиться с изложенной выше концепцией Т. Милевского, в соответствии с которой предки тохар, первоначально обитавшие в центральной части ИЕ территории, рано начали продвигаться к востоку, в то время как германские племена мигрировали на север только после ухода пратохар, так что предки германцев, балтов и славян успели приобрести значительное количество общих языковых черт и изоглосс.

Более того, кажется не вполне лишенным значения то обстоятельство, что время фиксации тохарских языков – вторая половина первого тыс. н.э. – приблизительно совпадает с позднепраславянским периодом. Следовательно, на этом основании я могу предполагать, что пратохары (или прототохары) покинули предшествующую территорию своего обитания лишь за 500–1000 лет до того или, другими словами, примерно в то время, когда славяне, продвинувшись к югу с верховьев Днепра, где были ранее расселены их предки, составлявшие пространственный континуум с протобалтами, вот-вот должны были заявить о себе как об отдельной этнической общности. Согласно другой теории (наиболее активным сторонником которой является китаист и археолог В. Майр), так называемый "народ мумий", отличавшийся поразительно европейской внешностью и обитавший в бассейне р. Тарим, т.е. примерно в тех же самых местах, но в значительно более раннее время (возможно, за тысячу или более лет до фиксации первых тохарских текстов), в действительности является предком позднейших тохар. Относительно недавнюю попытку разрешения тохарской "загадки" с привлечением географических, исторических, лингвистических и, в первую очередь, археологических данных см. в работе [Mallory 1989: 56–63, 182, 226, 261]. В плане хронологии Мэллори датирует приход тохар в бассейн Тарима периодом между 2 500 и 2 000 гг. до н.э., а экспансию индоевропейцев на восток и отделение предков тохар от прочих ИЕ ветвей – четвертым или, быть может, началом третьего тыс. до н.э.

Исследуя сходства между славянской (или, шире, балто-славянской) и тохарской лексикой, мы обнаруживаем, что в "Этимологическом словаре русского языка" М. Фасмера (как в исходной, немецкой, так и в улучшенной русской версии, включающей в себя дополнения О.Н. Трубачева) насчитывается 105 тохарских слов (если тох. А и тох. В варианты не совпадают, они учитываются отдельно), имеющих соответствия в русском языке, см. [Vasmer 1958: 580–581; Фасмер 1973: 669–670]. При этом, однако, следует отметить, что в немецкой и русской версиях словаря Фасмера списки не вполне идентичны. Кроме того, в данном случае мы должны считаться с возможностью большого количества ошибок, поскольку, как известно, многие славяно-тохарские сближения, принимавшиеся немецким славистом, в дальнейшем не выдержали критической проверки. Однако значительное число примеров остается.

и мы должны отдавать себе отчет в том, что во всех этих случаях мы имеем дело с общими для обоих языков лексемами, унаследованными от ПИЕ. А.Й. Ван Виндекенс перечисляет в общей сложности 45 слов, представляющих собой сепаратные схождения тохарского с балтийским и/или славянским [Van Windekens 1976: 616]. Хотя некоторые из предлагаемых им этимологий сомнительны, важно отметить, что бельгийский ученый считает вторичными только связи между тохарским и германским и тохарским и греческим соответственно, т.е. между тохарским и двумя другими языковыми группами (или, в случае с греческим, одним языком) типа *sentum*. Кроме того, следует добавить, что недавно В. Блажек [Blažek 1995] обнаружил еще четыре лексических изоглоссы, связывающих славянский и тохарский. В противоположность славяно-тохарским схождениям, многие славяно-иранские лексические соответствия, как было сказано выше, представляют собой заимствования из иранского в славянский – при том, что конкретные пути заимствования, а отчасти и неожиданное появление иранских элементов на западе славянской территории остаются спорными, чтобы не сказать загадочными (несмотря на остроумные объяснения части таких случаев, предложенные О.Н. Трубачевым). Также весьма значительно и число славянских заимствований в балтийских языках (особенно в литовском) – в дополнение к многочисленным (но далеко не всегда сепаратным) исконнородственным балто-славянским словам (*Erbwörter*). Подобным же образом, довольно велико и число германских, в первую очередь готских, лексем, обнаруживаемых в славянском, и, напротив (вопреки мнению, высказанному в [Мартынов 1963]), в лучшем случае лишь несколько обще- (или ранне-) славянских слов попало в германский; ср. особенно [Kiparsky 1934; 1975: 54–59], а об иранизмах в раннеславянском – [Kiparsky 1975: 59–61].

Разумеется, нет возможности подробно обсуждать здесь все те приведенные М. Фасмером славяно-тохарские сближения, которые можно по-прежнему считать надежными, хотя они действительно заслуживают тщательного анализа. Мы, однако, рассмотрим только некоторые особо интересные случаи и лишь коротко затронем некоторые другие.

Тох. А *ak*, тох. В *ek* "глаз", соответствующее ст.-слав. *око* "глаз"¹³ и его ИЕ параллелям, выступает также как первый компонент тох. А *akmal* "лицо" (ср. ст.-слав. *челюсть* "челюсть, скула" – аналогичного типа сложение *чело* "лоб" и *оуста* "рот"); о тох. А *akmal* и сходных образованиях в других языках см. еще [Schulze 1933: 248–257]¹⁴. Тох. А и В *äre* "плуг"¹⁵, несомненно, связано со ст.-сл. *орати*, *орк* "пахать", *рало* (< **or-dlo*) "плуг". Тох. В *cake* "река" явно родственно ст.-слав. *теци*, *теж* "идти, бежать", *токъ* "течение, поток". Тох. А *čkācar*, В *tkācer* "дочь", несомненно, связано со ст.-сл. *дъщи* (< **dukte[r]*) "дочь" и с его многочисленными ИЕ соответствиями, тогда как тох. В *eñk-* "нести"¹⁶ может быть (а может и не быть) связано со ст.-слав. *нести*, *несѣ* (то же). В тох. А *ι-* "идти" представлен тот же корень, что и в ст.-слав. *ити*, *идѣ* (то же) и его многочисленных соответствиях в других ИЕ языках. Тох. А *kam*, В *keme* "зуб"¹⁷ находит свою параллель в ст.-слав. *зѣбъ* (то же); в [Порциг 1964: 272–273] здесь усматривается семантическая инновация. Тох. В *karyor* (< **kri-*) "торговля", возможно, родственно др.-русск. (и русск.-цслав.) *крьнѣти* "купить"¹⁸, тогда как тох. А *känt*, В *kante* "100", несомненно, связано со ст.-слав. *съто* (то же) и его многочисленными ИЕ параллелями, и лишь этимология славянского слова – восходит ли оно прямо к ИЕ (ср. лит. *šimtas* "сто") или, что менее вероятно, является иранским заимствованием (из-за возможной нерегулярности корневого вокализма) – остается спорной. Среди ИЕ соответствий ст.-слав. *градъ* "город, замо́к" (и его инославянских параллелей) имеется, вероятно, и тох. В *kerciye*¹⁹ (< **ghordhjom*) "дворец". Одной из множества лексем, связанных со ст.-слав. *слоушати*, *слоушаѣ* "слушать, слышать" (и его славянскими соответствиями), является тох. А *klyos-* (то же)²⁰. Ст.-слав. *знати*, *знаѣ* "знать" родственно, помимо прочего, тох. А *knān-* (то же). Тох. А *ku*²¹ "собака" сопоставлялось – на не вполне надежных основаниях – с русским *сука* (< **saḳa*, лит. *šiuō* "собака"), а связь ст.-слав. *коло* "колесо", мн. ч. *колеса*

"повозка" с тох. А *kukal* "колесница" (форма с редупликацией) является общепризнанной. Тох. А *kulmants* "тростинка"²² обычно считается родственным др.-русск. *солома*, русск.-цслав. *слама* "солома". Возможно, наиболее показательное славяно-тохарское сближение – тох. В *laks* (< **l₁k's-*, скорее с нулевой, нежели с *o*-ступенью вокализма; ср. [Winter 1997: 185–186]) "рыба" – вопреки [Vasmer 1955: 61; 1958: 580; Фасмер 1967: 552; 1973: 669], это слово не засвидетельствовано в тох. А, ср. [Krause, Thomas 1964: 134, 233] – рус. *лосось*, укр. *лосось*, польск. *łosoś*, чеш., слов. *losos*, лит. *lašiša*, лтш. *lasis*, др.-прусск. *lasasso*, др.-в.-нем. *lahs*, др.-сев. *lax* "лосось". Ср. еще осетинское *læsæg* "лосось", которое, впрочем, может быть заимствованием, поскольку это слово не представлено в других иранских языках. Название лосося отсутствует в южнославянских языках, т.к. эта специфическая порода рыб не водится в реках, впадающих в Средиземное (или его заливы, включая Адриатическое и Эгейское моря) и Черное море. "Аргумент лосося" использовался не только в связи с гипотезой о ранних контактах славянского, балтийского, германского и тохарского (или, точнее, легших в их основу праязыков или поздние ПИЕ диалектов), происшедших в непосредственной близости от бассейна Балтийского моря – как кажется, вполне разумное утверждение, – но и (особенно П. Тиме), куда менее убедительно, для доказательства северно-европейской прародины индоевропейцев (точка зрения, ранее и на других основаниях высказывавшаяся также, например, Ф. Шпехтом). Ср. [Порциг 1964: 272], а о славянских названиях лосося специально [Udolph 1982]; в этой работе дается также объяснение того факта, что некоторые разновидности лосося встречаются в бассейнах рек, впадающих в Черное и Каспийское, а также Аральское моря. Как известно, современная наука скорее склонна искать следы происхождения индоевропейцев либо в юго-восточной Анатолии и прилегающей к ней Северной Месопотамии (Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов; аналогично, хотя и на других основаниях, также К. Рэнфрю), либо в причерноморских степях и лесостепной зоне (М. Гимбутас, Дж.П. Мэллори; В.П. Леманн, А. Мартине и др.).

Двигаясь дальше, мы рассмотрим еще несколько примеров, представляющих особый интерес. Тох. А *mācar*, разумеется, родственно ст.-слав. *мати* "мать", равно как и всем его славянским и прочим ИЕ соответствиям; так же и тох. А *pracar* – параллель ст.-слав. *брат(р)ъ* "брат". О тохарских терминах родства см. также [Pinault 1989: 57–59]. Тох. А *malk-*, *malk-* "доить" связано со ст.-слав. *млѣко* "молоко" и русск.-цслав. *млѣсти*, *млѣзу* "доить". Тох. А *malyw-*, В *mely-* "давить, раздавливать" родственно ст.-слав. *млѣти*, *мельж* "молоть" и его многочисленным соответствиям в славянских и других ИЕ языках. Тох. А *mañ*, В *meñe* "луна; месяц" содержит тот же начальный элемент, что и ст.-слав. *мѣсяць* (тж.) (где *мѣс-* < **mēs-* или **mens-*). Тох. А *nūt-*, В *naut-* "гибнуть" обычно сравнивают с др.-русск. (русск.-цслав.) *навъ* "покойник", др.-чеш. *nav* "ад, тот свет"; ср. (тж.) д.-в.-н. *nôt* "нужда". Далее, тох. А *ñom*, В *ñem* "имя" – отражение обще-ИЕ лексемы с этим значением, представленной также в ст.-слав. *имѣ* (< **ymē* < **ymten-* < **ymten-*)²³.

Тох. А *ñu* "9" более очевидным образом связано с лат. *novem* (то же), чем со ст.-слав. *девѣтъ*, в случае с которым как начальное *ð-* (возможно, результат диссимиляции **n-* с **-en-* > *-ǣ-*, но скорее следствие аналогии с *десѣтъ* "10"), так и суффикс *-mь* (отражение исходной консонантной основы) остаются проблематичными. Из прочих числительных порядковое "первый" имеет в тохарском тот же суффикс, что и в славянском: ср. тох. В *pārweṣṣe* (и тох. А *parwat* "старший (сын)"), ст.-слав. *пръвѣтъ* (русск. *первый*). Суффикс *-u-* обнаруживается также в индо-иранском и албанском, тогда как в балтийском, германском и итальянском представлен суффикс *-m-*: лит. *pirmas*, др.-англ. *forma-* (но также др.-англ. *forwost* "предводитель, глава"), лат. *pri-mus*; ср. еще [Порциг 1964: 217, 274–275]. ИЕ числительное "5" в ст.-слав. имеет вид *пѣтъ*, в то время как в тохарском находим А *pañ*, В *piś*. Соответствующее порядковое числительное, "пятый", отражено в ст.-слав. *пѣтъ*, тох. А *pānt* и В *pinkte* соответственно. Можно упомянуть также числительное "3", ст.-слав. *триє* (ж. и ср. р. *три*), которому соответствует тох. А *tre*, В *traī*, а также множество параллелей в других

ИЕ языках. Подробно о тохарских числительных см. [Krause 1954; Pinault 1989: 60–63; Winter 1992].

Др.-русск. *подъ* "дно, основание" (без предписываемого законом Винтера удлинения гласного; ср. также лит. *pādas* "подошва") соответствует тох. А *pe*, В *paiyue* "нога"²⁴. Ст.-слав. *пастн*, *пасж* имеет точный аналог в тох. А *pās-*, В *pāsk-* "охранять, соблюдать"²⁵. В тох. В засвидетельствована форма *piŋkam* "он пишет", соответствующая ст.-слав. *пѣсати*, *пишж* "писать". Как известно, представленная в греч. *πῦρ*, д.-в.-н. *fuir* лексема со значением "огонь" лишь маргинально представлена в славянском (в качестве общеславянского слова для "огня" выступает ст.-слав. *огнь* и его многочисленные соответствия); но ср. с.-хорв. *snūritu*, *unūritu* "раздувать огонь", чеш. *pyř* "раскаленная зола"; в тохарском находим А *por*, В *pīwar*. Тох. А *rake*, В *reki* "слово", как уже говорилось, родственно ст.-слав. *реци*, *рекж* "говорю" и *рѣчь* "слово, речь", а также (с качественным аблаутом) *рокъ* "срок, период"; ср. [Порциг 1964: 271], а также выше, в разделе, посвященном работе Т. Лера-Сплавинского.

ПИЕ личное местоимение **tu / *tu* "ты" отражено в ст.-слав. и др. *ты* и в тох. А *tu*²⁶. А ст.-слав. *великъ* и *велин* (< **velъjъ*) "большой", так же, как ст.-слав. *велѣти*, *велѣж* "повелевать" и ст.-слав. *власть* (< **vol-dъ*) "власть" в конечном счете родственны тох. А *wāl*, В *walo* "царь" и, вероятно, также тох. А *wāl-* "править"²⁷.

К этим славяно-тохарским лексическим изоглоссам мы можем теперь добавить еще четыре, установленных В. Блажеком. Таковы: 1) общеслав. **uprēmъjъ* "прямой, искренний", тох. В *empreŋ* "истинный" (< **on-prēto-* и **ŋ-prēm(o)-* соответственно); 2) общеслав. *lěviti* "слабеть", тох. В *laiwo* "усталость" (< **lěiw-*); 3) общеслав. *kle.sati / kle.snati* "опускаться", тох. А *klis-*, тох. В *klānts-*, прет. акт. *klyantsa* "спать" (< **klNs-* / **kleNs-*); 4) ст.-слав. (и др.) *калъ* "грязь, нечистоты", тох. В *-källe* в *kärkkälle* "грязь" (< **kalo-* и *krāke* "нечистоты" + *kalle* < **kaliŋo-* соответственно)²⁸.

Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы проиллюстрировать относительное, – конечно, по большей части не исключительное – совпадение словарного состава славянского (балтийского, германского и т.д.) и, до некоторой степени, тохарского языков. К этому, однако, следует добавить также несколько морфологических изоглосс, по большей части объединяющих славянский и тохарский с армянским. Одной из них обычно считается включение в систему глагола *-l*-овых прилагательных, в славянском называемых активным претеритным причастием II, в тохарском – отглагольным прилагательным (или герундивом, из-за функциональной близости латинскому герундиву), а в армянском – герундием или просто причастием или прилагательным, ср. [Порциг 1964: 274]. Тохарские *-l*-овые отглагольные прилагательные (или герундивы), хотя и употребляются иначе, чем в славянском (где *-l*-овые производные стали обязательным элементом системы спряжения и – уже в письменную эпоху – постепенно взяли на себя функции финитных форм прошедшего времени), в предикативном употреблении также составляют неотъемлемую часть глагольной системы. При этом тох. А *-l*, по-видимому, отражает ПИЕ **-lo-*, тогда как тох. В формы на *-lye* (и, с ассимиляцией, *-lle*, *-le*) восходят скорее к ПИЕ **-liŋo-*. Различается два вида отглагольных прилагательных: одно (герундив I) образуется от основы презенса, другое (герундив II) – от основы конъюнктива. Герундив I в предикативном употреблении часто сочетается с глаголом-связкой (обычно опускаемым в презенсе) и выражает долженствование, а также требование или запрет; герундив II выражает возможность (и часто соответствует английским прилагательным на *-able*, *-ible*). Ср., например, *tsār-* (тох. А и В) "отделять": герундив I *tsrelle* (тох. В) "тот, который должен отделить", герундив II *sral* (тох. А), *tsrälle* (тох. В) "отделимый (англ. *separable*)"; ср. арм. *sirel* "любить", *sireli* (< **-liŋo-*) "приветливый (англ. *lovable*)". Подробнее см. [Thomas 1952; Krause 1952: 37–39, 203, 307; Krause, Thomas 1960: 186–187]. В славянском различается два – омонимичных – вида *-l*-причастий: с одной стороны, исходные отглагольные прилагательные на **-lo*, рано, еще в дописьменную эпоху, вошедшие в состав глагольной парадигмы (и тем самым соответствующие образованиям, известным по данным тохарского и армянского); с дру-

гой стороны, *-l*-прилагательные, оставшиеся прилагательными и в настоящее время представленные преимущественно в западнославянском, ср. польск. *przybyły* (причастие прошедшего времени и субстантивированное прилагательное) "(ново)прибывший, приезжий" (от *przybyć* "прибыть"), *powstały* "созданный, возникший" (от *powstać* "возникнуть, создаться"), *dbały* "заботливый, внимательный" (от *dbać* "заботиться, беспокоиться"); чеш. *powstalý* (от *powstáti*), *dbalý* (от *dbáti*) и т.д.; в качестве примера "включенного" (ставшего финитным глаголом) причастия в славянском ср. ст.-слав. *несаъ кѣмь*, польск. *niosłem*, русск. (я) *нѣс*. Подробнее см. [Damborský 1967], где соответствующие формы рассматриваются как с морфологической, так и с синтаксической точки зрения, как в синхронии, так и в диахронии. Однако, как указал мне Вернер Винтер (устное сообщение), аргументация, основанная на тох. А *-l*, тох. В *-lle* (форма номинатива; в аккузативе представлено *-lye*), в действительности не выдерживает критики. В самом деле, как видно по тох. А *ālak*, тох. В *āllek* "другой" (ср. лат. *alius*), и тох. А *-l*, и тох. В *-lle* восходят к ПИЕ **-ljo-* и ни в коем случае не могут рассматриваться как свидетельство специфических связей между тохарским и славянским (несмотря на повторяющиеся утверждения противоположного свойства), в первую очередь потому, что сравниваемые формы очень значительно различаются по своим синтаксическим функциям. Тохарские формы если что и напоминают, то, скорее, армянский герундий²⁹.

Другая морфологическая особенность, общая для части славянских языков с тохарским и армянским, – именной суффикс *-isko-*, засвидетельствованный в западнославянском, а в южно- и восточнославянском всегда имеющий расширение на *-jo-* (ст.-слав. *-ище* < **-išče* < **-iskjo*). В старославянском такие образования обычно имеют значение места (*nomina loci*), ср., например, *гробнице* "место для могилы" (от *гробъ* "могила"), *жилице* "дом, жилище" (от *жити* "жить, обитать"), *хранилище* "охранилище" (от *хранити* "беречь, хранить") и неск. др.; см. [Vondrák 1924: 622; Vimbaut, Schaecken 1997: 41]. В тох. А представлен суффикс *-si*, в тох. В – *-sse*, в армянском им соответствует *-ac'i*; все эти формы восходят к ПИЕ **-isk-jo-*, ср. [Порциг 1964: 274]. О славяно-балтийско-тохарской словообразовательной изоглоссе – употреблении суффикса слав. *-yŋi / -yŋa*, балт. *-unė*, тох. *-une* – см. выше (в разделе, посвященном обсуждению статьи [Lehr-Spławiński 1957–1958]); об общих для тох. В и славянского диминутивных суффиксах см. выше, по поводу [Георгиев 1958] и [Иванов 1958].

Третьей морфологической изоглоссой, связывающей славянский (равно как и балтийский) и тохарский, может быть окончание инфинитива – тох. *-tsi* (А и В), которое сравнивают с балто-славянским *-ti* (представляющим собой окончание датива или локатива ИЕ основ на **-ti*), ср. [Vaillant 1966: 126–128; Stang 1966: 447–449; Krause, Thomas 1960: 261; Krause 1952: 33–34]. Исходное ПИЕ окончание, вероятно, имело вид **-tei* (или **-tēi*)³⁰. См. выше, по поводу [Георгиев 1958].

Лексические и морфологические совпадения и сходства между славянским и тохарским, упомянутые здесь, – лишь наиболее очевидные, но список существующих (или ранее существовавших) параллелей, которые могут быть отмечены и установлены между этими двумя языковыми группами или, точнее, соответствующими поздне-ПИЕ диалектами, ими отнюдь не исчерпывается. Так, Вяч.Вс. Иванов (к которому я посвятил эту работу) в недавнем докладе – подготовленном к предстоящему Двенадцатому международному конгрессу славистов (Краков, август-сентябрь 1998 г.) – перечисляет множество других параллелей и "диалектных связей" на различных уровнях языковой структуры, прослеживаемых между двумя рассматриваемыми семьями. При этом он обращает особое внимание на процесс образования ряда морфологических категорий и формирование специфических синтаксических функций. Так, например, тохарский *s*-претерит (ср. [Krause, Thomas 1960: 247–251]) может пролить свет на еще не до конца ясную историю образования славянского сигматического аориста, который хотя и возник в славянском позже простого тематического аориста, восходит к поздне-ПИЕ (в то время как славянский аорист на *-ох* имеет явно вторичное происхождение, а имперфект, хотя его происхождение и остается

спорным, представляет собой несомненную славянскую инновацию), ср. [Stang 1942: 63–81; Arumaa 1985: 302–307; Reinhart 1992: 367–381]; далее см. [Szemerényi 1990: 304–305; Watkins 1969: 207–208, 216–217]. Подобным же образом, тохарский префикс императива *p(ä)-* (в тохарском В иногда также *po-*) может предоставить дополнительные сведения относительно этимологии и употребления (частично также в императивной и побудительной функции) славянской приставки *po-*. Разумеется, эта славянская приставка почти полностью утратила свои первоначальные функции и выступает фактически только в роли показателя совершенного вида. Кажется, однако, что в тохарском соответствующий префикс, прежде чем стать формальным признаком императива, также мог первоначально иметь перфективирующее значение (ср. [Георгиев 1958: 16–17], а также выше). О тохарских данных см. [Krause, Thomas 1960: 234; Krause 1952: 32]. Ср. еще в современном русском такие выражения, как *пошли, пойдемте*, явно имеющие побудительное значение и содержащие приставку *po-*. При этом агглютинативный суффикс *-те* усиливает императивно-побудительную функцию презенса совершенного вида (могущего самостоятельно выступать в этой роли или эксплицироваться путем прибавления *давай, давайте*), а форма прошедшего времени может приобретать вторичное, небуквальное значение. Соответствующий префикс, употребляемый в императиве, отмечен также в иранском. (В заключение настоящего раздела, посвященного славяно-тохарским связям и изоглоссам, я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы выразить благодарность моему другу Вернеру Винтеру за его профессиональные советы, несомненно позволившие значительно улучшить изложение.)

3. Прежде чем обратиться к третьей языковой группе, упомянутой в заглавии настоящей работы, – алтайской, не родственной ни славянскому, ни тохарскому, поскольку алтайские языки не входят в ИЕ семью, – бросим беглый взгляд на еще одну языковую семью, также не связанную со славянской, которая, как ранее считалось, оказала на славянскую значительное влияние – даже в процессе ее формирования. Я имею в виду финно-угорские языки, точнее, их финскую ветвь. Мнение, согласно которому финно-угорский язык как целое мог сыграть ключевую роль в процессе складывания протославянского (раннеобщеславянского) языка, – ранее всерьез рассматривавшееся многими известнейшими славистами и финно-угроведами, – ныне имеет мало сторонников, и В. Поляк [Polák 1969] вполне может быть назван одним из последних. Максимум, что мы можем принять, это существование некоторых адстратных явлений, объединяющих прибалтийско-финский, балтийский и славянский, – в том случае, если мы постулируем пространственный континуум (вероятно, примерно совпадающий с территорией нынешней Белоруссии), из которого выделились как балтийские, так и славянские языки, хотя и в разное время – для балтийского время должно было быть гораздо большим, чем для славянского, – и который соприкасался (а возможно, даже частично перекрывался) с территорией, населенной финноязычными племенами.

Совершенно иначе обстоит дело в случае с возможным прибалтийско-финским адстратным и даже субстратным влиянием в восточнославянском и особенно в русском (поскольку белорусский сложился скорее на основе балтийского субстрата, а украинский, расположенный значительно южнее, не был затронут им в такой степени). Но и здесь мнения существенно расходятся по поводу того, могут ли те или иные специфические черты русского языка – в первую очередь, его несомненная принадлежность к "быть"-, а не "иметь"-языкам, – объясняться финским субстратом; обсуждение этой проблемы и необходимые ссылки см. в [Бирнбаум 1997].

О возможных славяно-алтайских контактах и возможном существенном влиянии алтайского – или отдельных алтайских языков – на формирование общеславянского языка я в 1975–1979 гг. писал так [Birnbäum 1979: 225]: "Если какие бы то ни было... контакты между одним из алтайских народов (предположительно гуннами, прото-булгарами или аvaraми) и протославянским языковым сообществом в целом (а не

только одним из его ответвлений или диалектов) и могли иметь место, их лингвистическое значение, по крайней мере для славян, было, как кажется, нулевым (или почти нулевым, если учитывать несколько изолированных лексических единиц, требующих более подробного изучения)". Действительно, число более или менее надежных примеров слов, проникших в восточнославянский (древнерусский) язык до монголо-татарского нашествия (ок. 1240 г.) из языка волжских булгар или алтайских (тюркоязычных) кочевых племен южнорусской степи (гуннов, аваров, позднее, вероятно, еще и той части булгар, которые двинулись в направлении Балкан, иначе говоря, протоболгар или будущих дунайских булгар, а также, возможно, хазар), не особенно велико. В. Кипарский [Kiparsky 1975: 63–64] насчитал их всего 23 (причем одно из них, русск. *vataga*, в древнерусском языке имевшее значение "шатер, палатка кочевника", фиксируется в документах только с 1294 [а не с 1234] года и, соответственно, также вполне может быть заимствованием времен монгольского ига). Как правило, те из домонгольских заимствований, которые засвидетельствованы также в старославянском, происходят из языка волжских (или дунайских) булгар, а те, что представлены также в западнославянских языках, – из тюркского языка южнорусских степей³¹.

Однако даже несмотря на то, что влияние алтайского на славянскую лексику кажется совершенно незначительным, сегодня я думаю иначе, чем два с лишним десятилетия назад. Дело в том, что влияние алтайского (или отдельных алтайских языков, см. ниже), по-видимому, отразилось на системе звуков и, в меньшей степени, также морфологических особенностях общеславянского языка в период его формирования. Поэтому теперь я полагаю также, что алтайский, вполне вероятно, играл весьма значительную роль в ту эпоху, когда этническая группа (или группы) будущих славян мигрировала (мигрировали) к югу от тех областей в верховьях Днепра и вокруг, где она (они) обитала (обитали) ранее – тех областей, где вместе или по соседству с ними жили будущие (или, скорее, уже вполне сформировавшиеся как этнос) балты. Подробнее о моем нынешнем взгляде на "общеславянский во времени и пространстве" см. [Витбаум 1998b]. Но сначала несколько слов об алтайских народах в период Средневековья и о том, что мы знаем (и чего не знаем) о них и их языках.

Как известно специалистам в данной области (и как легко убедиться по соответствующим справочным изданиям), алтайская языковая семья состоит из трех ветвей: тюркской, монгольской и тунгусской (или тунгусо-маньчжурской). Существует гипотеза, согласно которой алтайская семья образует (или, точнее, некогда образовывала) единую макросемью с уральскими языками, которые, в свою очередь, делятся на финно-угорские и самодийские. Это крупное языковое объединение позволяет, помимо прочего, объяснить некоторые поразительные черты сходства между этими языками (особенно в фонологии, например, так называемую гармонию гласных – см. ниже). Наличие часто предполагаемой связи алтайских языков также с корейским и японским несколько менее надежно, хотя представляется вполне вероятным. Татары (термин, часто используемый как синоним "монголов") – скорее историческое, нежели лингвистическое обозначение представителей тюркских³² и/или монгольских народов, вторгшихся в Средние века в Центральную и Западную Азию и Восточную Европу (и захвативших их) и продвинувшихся вплоть до Силезии (области польско-германского пограничья) с одной стороны и Адриатического побережья – с другой. В дальнейшем, во избежание каких бы то ни было недоразумений, этот термин использоваться не будет.

Нам известно не менее трех тюркских народов, в эпоху раннего Средневековья контактировавших с формирующимся славянским этносом: гунны, булгары (разделившиеся на две подгруппы – волжские булгары и балканские, или дунайские булгары; см. выше) и авары³³. Четвертый алтайский народ, хазары, хотя и создал могущественное и обширное государство, едва ли может быть включен в этот список, поскольку нам известно лишь о его контактах с Киевской Русью (если не учитывать возможных позднейших потомков хазар, караимов, обитавших в том числе в польско-литовском королевстве и даже сейчас еще встречающихся небольшими группами на территории Литвы) и Византией (поддерживавшей оживленные отношения с

Хазарией и, в частности, ок. 860 г. н.э. направившей туда посольство во главе с Константином-Кириллом). То же самое, естественно, относится и к более поздним печенегам, наводнившим в раннем Средневековье южнорусские, молдавские и дунайские степи, и к еще более поздним куманам (половцам), многие из которых в конце концов растворились на Великой венгерской равнине. Более ранние по времени огромные государства гуннов (в IV–V вв.) и аваров (с сер. VI по конец VIII и – остаточно – еще и в начале IX в.) определены были многонациональными, и нам очень мало известно о языках, на которых изначально говорили гунны³⁴ и авары. По поводу наших нынешних представлений о языке аваров – важнейшем, в силу тесных и многосторонних связей аваров со славянами, возможном источнике, оказавшем влияние на возникновение общеславянского языка, – см. [Pohl 1988: 223–225]. Также не вызывают сомнений как тесные связи, так и военные конфликты между аварами и балканскими булгарами в период появления последних в районе Центральных Балкан и нижнем Подунавье. Строя гипотезы о языке аваров (а заодно и гуннов), мы во многих случаях должны обращаться к имеющим, возможно, аналогичную природу явлениям в сравнительно хорошо документированном древнетюркском (известном по уйгурским рукописям и надписям, найденным в Монголии в долине р. Орхон). О прото-болгарском – языке волжских и дунайских болгар – мы осведомлены несколько лучше: в древнерусском и старославянском имеется целый ряд болгарских заимствований, ср. [Kiparsky 1975: 63–64] (где, как указано выше, перечислено двадцать два или двадцать три заимствования), а также [Sadnik, Aitzetmüller 1955: 211–341]. Кроме того, современный чувашский язык, несомненно, относящийся к тюркским, но заметно отличающийся по структуре от других тюркских языков, возможно, является потомком хазарского или средневекового волжско-булгарского [Kiparsky 1975: 62]. При этом, однако, необходимо отметить, что те из алтайских народов, которые могли повлиять на формирование фонологической (и, в некоторой степени, морфологической) структуры общеславянского языка, – это в первую очередь именно гунны и авары, которые были "творцами" возникающих или недавно возникших славян, что, возможно, оказалось решающим фактором.

По крайней мере, вполне допустимо – и, конечно, заслуживает дальнейшего обсуждения, – что в I тыс. н.э. славяне в определенный период действительно испытали влияние алтайцев-кочевников, обитателей степи и прилегающей с севера лесостепной зоны, – гуннов, возможно, в меньшей степени болгар и особенно аваров (ср. недавнее детальное исследование, включающее несколько новых гипотез, [Galton 1997]). И хотя нет никаких сомнений насчет длительного симбиоза славян и аваров – правда, точный характер связей между ними в определенные моменты времени и в некоторых случаях остается неясным, но на протяжении большей части известного нам периода их существования авары явно были доминирующей стороной (ср. [Pohl 1988: passim]), – понятно, что, в частности, наличие какой бы то ни было причинно-следственной связи между алтайской гармонией гласных, по природе своей морфонологической характеристикой, затрагивающей слово в целом, и (поздне)праславянским слоговым сингармонизмом, фонологическим явлением, по определению функционирующим только в границах отдельного слога (и включенным – на несколько сомнительных основаниях – Р. Якобсоном в более широкие "евразийские", т.е. неиндоевропейские, рамки), не может быть легко доказано. Обсуждение спорного якобсоновского тезиса о слоговом сингармонизме, якобы действовавшем в позднепраславянском, критики его взглядов Н. ван Вейком и их дальнейшего развития в теории группофонем (силлабем) В.К. Журавлева см. [Vitbaum 1979: 38–39, 86–87, 140–144]. (По поводу смешения Якобсоном понятий гармонии гласных и слогового сингармонизма, – последний мы, разумеется, не будем более рассматривать как праславянское явление, – см. [Jakobson, Waugh 1979: 146–150, особ. 148–150].) В крайнем случае некоторые характерные для алтайского звуковые последовательности, наблюдаемые в современном произношении на субфонемном уровне (или на уровне произносительных привычек), могли послужить спусковым механизмом для некото-

рых общеславянских звуковых сдвигов на фонемном уровне. Это допустимо, например, по отношению к одной из палатализаций велярных, а именно, к так называемой прогрессивной (или бодуэновской) палатализации, действовавшей слева направо (то есть так, как мы пишем или печатаем) и пересекавшей границу слога, но едва ли по отношению к другим палатализациям велярных – во внутрислоговой позиции перед (первичными или вторичными) передними гласными: такого рода явления широко представлены и во многих других языках, таких, как тохарский (см. выше в связи с обсуждением статьи В. Георгиева), индо-иранские, отчасти балтийские (латышский) и скандинавские (шведский и норвежский) или романские; это допустимо и по отношению к стяжению (монофтонгизации) дифтонгов (типа **oi > ě*, **eu > ju' u*; следует учесть, что дифтонги совершенно нехарактерны для алтайских языков), хотя, опять-таки, подобное развитие, конечно, известно и во множестве других языков; к развитию эпентетического *l'* после палатализованных губных (или, выражаясь точнее, к вставке этого эпентетического согласного между нейтральным губным и последующим *j*) и к некоторым другим звуковым изменениям. В морфологии двухвариантное склонение, противопоставляющее основы твердого и мягкого типов, также может быть – как полагал уже Н.С. Трубецкой – построено по алтайской модели. (В связи с этим, однако, стоит упомянуть, что принадлежащая Трубецкому культурно-философская концепция "евразийства", в свое время оказавшая влияние на лингвистическую мысль Р. Якобсона, даже если отнести ее исключительно к России, не только крайне предвзята, но и фундаментально ошибочна; критику основных идей Трубецкого см. [Vimbaum 1993].) Дальнейшие подробности и обсуждение возможного алтайского воздействия на общеславянский см. [Galton 1997: 49–160].

При беглом взгляде на принадлежащее самому Галтону резюме на английском языке [там же: 158–160] мы можем сделать вывод, что автор опирается на знаменитое (хотя, как было отмечено, отнюдь небезупречное) эссе Р. Якобсона, посвященное "евразийскому" языковому союзу (Sprachbund) [Якобсон 1971], в соответствии с которым для славянских языков, в особенности для русского, характерны некоторые наиболее яркие фонологические черты этого гипотетического ареала языковой конвергенции. Хотя, согласно Якобсону, этот Sprachbund характеризуется, по сути дела, всего двумя фонологическими чертами – корреляцией по палатализации и монотонией (в противопоставлении политонии), – последние из них, как хорошо известно, явно неприменима к праславянскому с его тональными (интонационными) различиями. Указанные свойства, по мнению Якобсона, приложимы в первую очередь к праславянскому слогу, который, как предполагается, представлял собой "нерасторжимое единство" согласного и гласного, которые могли быть либо оба задними (лабиовеляризованными), либо оба передними (палатализованными). Якобсон не уточняет ни время, ни место гипотетического "евразийского" влияния на формирующийся славянский. Он просто перечисляет те алтайские языки, равно как и некоторые финно-угорские идиомы, которые, подобно русскому и польскому, имеют корреляцию по палатализации.

Оставляя в стороне предполагаемый широкий историко-культурный фон, Галтон сосредоточивается на фонологическом аспекте проблемы (и предполагаемой на его основе исходной собственно-исторической реальности). По его утверждению, эта реальность состоит в гунском, а позднее – аварском господстве над славянами, приблизительно совпадающем с тем периодом – ок. 400–800 гг. н.э., – когда важнейшие языковые инновации выделили праславянский (раннеобщеславянский) из "балтийского протосостояния" (этот термин представляет собой явную, хотя и имплицитную отсылку к концепции, изложенной в [Иванов, Топоров 1961]). Хотя языки гуннов и аваров известны лишь весьма отрывочно, мы можем утверждать, что по своему фонологическому облику они были похожи на язык древнетюркских надписей VII–VIII вв. (надписей долины Орхона). Действительно, в этом языке имелось два знака для каждого согласного – один при переднерядном, другой при заднерядном окружении. Это деление касалось и глайда *j* (передаваемого в тюркском как *y*). Ос-

новываясь на этом замечательном факте, а также на сложных для интерпретации принципах обозначения гласных (в орхонских надписях), Галтон соглашается с алтаистом К.Г. Менгесом, предположившим, что разные знаки для согласных могли начинаться с VII–VIII вв. играть роль *matres lectionis*, или ключей, и были созданы для того, чтобы помогать читающему правильно интерпретировать текст (у Якобсона эта гипотеза не обсуждается). Однако именно гласные передавали основную оппозицию "передний" vs. "задний", определяющую важнейший структурный принцип алтайских языков – гармонию гласных, принцип, позволяющий прочно спаять основу и (как правило) многочисленные суффиксы – ведь алтайские языки агглютинативны – в единое слово. Тем не менее славяне так и не переняли этот принцип: в том, что касается структуры их языка, они остались верны своим ИЕ корням. Но они могли вполне отчетливо слышать лабиовеляризованное vs. палатализованное – на аллофоническом (субфонемном) уровне – произношение согласных в дославянской речи своих (гуннских или аварских) хозяев, в сильной степени детерминированное влиянием задних vs. передних гласных. В настоящее время можно считать хорошо исторически установленным, что гунны и авары, в отличие от германских и иранских народов, имели обыкновение посылать своих покоренных "союзников" вперед на поле боя, предварительно обеспечив их надлежащей военной выучкой и снаряжением (а также, как сообщает франкская "Фредегарова хроника", дурно обращаться с их женщинами). По этой и другим причинам они должны были уметь объясняться на языке своих рабов. Принимаемое Галтоном отождествление этнонима "славяне" со словом для "раба" (*slave*) – словом, обычно выводимым из алтайского и якобы применявшимся первоначально к отрядам, охранявшим границы империи аваров (как полагают, славяне насильственно вербовались на военную службу именно в этом качестве), – следует признать умозрительным, поскольку этимология славянского названия славян (*словѣне*) по сей день остается спорной и загадочной.

Дальнейшие доводы Галтона сводятся к предположению, что алтайские повелители перенесли свои произносительные привычки на нарождающийся балто-славянский (точнее, на его южную, славянскую ветвь), который они выучивали, а следовательно, и говорили на нем; это относится в том числе к палатализации, которая осознавалась на аллофоническом уровне в отношении велярных с их легко модифицируемой артикуляцией (местом образования) и вариативностью акустических формант. Это произношение слышали славяне, у которых оно постепенно вошло в моду, что неудивительно, если учесть высокий социальный статус их господ. В то же время славяне, будучи по происхождению индоевропейцами, были неспособны перенять дополнительные движения языка, позволяющие произносить палатализованно любые согласные; так, вставка эпентетического *l'* после губных (и перед *j*) была следствием как их произносительных привычек, так и ограничений. Только велярные они смогли сдвинуть в палатальную и палато-альвеолярную область полости рта: прогрессивная (бодуэновская) палатализация даже происходила в собственно-алтайском направлении – слева направо (в смысле графического представления структуры слога). Как было указано выше, на мой взгляд, не обязательно (хотя в принципе возможно) объяснять другие, регрессивные палатализации велярных перед передними гласными алтайским влиянием, поскольку подобные явления хорошо засвидетельствованы также во множестве других языков, которые – за исключением тохарского (в конечном счете поглощенного соседними тюркскими народами) и самого славянского – не имели никаких контактов с алтайским. Аналогичные соображения применимы и к устранению всех до единой консонантных групп с конечным *j*, и к монофтонгизации дифтонгов – оба эти звуковых изменения известны и в других языках, – даже несмотря на то, что алтайский действительно не допускает подобных звукосочетаний. В конечном итоге гласные в праславянском должны были перегруппироваться в два противопоставленных друг другу ряда – задних и передних: совершенно неиндоевропейский принцип (в ИЕ языках преобладает "классический" вокалический треугольник с *i* и *u* в качестве переднего и заднего верхних гласных, *e* и *o* в качестве средних и *a* в качестве

нижнего), в то время как для алтайских языков противопоставление передних и задних гласных, охватывающее всю вокалическую систему, типично (в ПИЕ гласный нижнего подъема *a* изначально был нейтральным по отношению к оппозиции передних и задних гласных, и лишь в общеславянском это *a* как функционально задний гласный оказалось противопоставлено переднему *ä*, то есть ятю). Кроме того, Галтон правильно подчеркивает, что слоговой сингармонизм в его яacobсоновском понимании в любом случае имел очень ограниченную сферу действия, поскольку он не распространялся на всю группу согласных, начинавшую слог (этих согласных в общеславянском могло быть от одного до четырех – явное отличие от алтайского, где в начальнoслоговой позиции допускается только один согласный), тогда как конец слога имел тенденцию к открытости (или, по Н. ван Вейку, к возрастанию сонорности), а также к свободной реализации унаследованных от ИЕ тональных различий (интонаций), совершенно неизвестных алтайскому ("евразийскому") с его монотонией.

Согласно Галтону, двухвариантное склонение в общеславянском (и его потомках) – совершенно не-ИЕ черта, поскольку большинство типов склонения различает два ряда окончаний в зависимости от конечного согласного основы – твердого vs. мягкого (или нейтрального vs. палатального). На это, однако, можно возразить, что ПИЕ, в свою очередь, различал, например, *o-* и *jo-*основы, *a-* и *ja-*основы и т.д., так что славянское твердое и мягкое склонение, вообще говоря, может рассматриваться как отражение этого состояния. В общеславянском имелось множество палатальных согласных, но еще не было фонологической корреляции по палатализации. Появление этой корреляции относится к истории отдельных славянских языков или к некоторой славянской области, и везде оно происходило за счет противопоставленных друг другу рядов передних и задних гласных фонем. Так, справедливо отмечает Галтон, обстоит дело в русском и, в меньшей степени, в польском. Чешский и словацкий устранили эту корреляцию – возможно, вследствие их "европеизации". В южнославянском, конечно же, никогда не было фонологической корреляции по палатализации, имевшей столь широкий охват, как в севернославянском. А османский тюркский (т.е. турецкий), на протяжении веков выступавший в роли суперстрата по отношению ко многим, – хотя и не всем – южнославянским языкам, вообще никогда не развил эту корреляцию, но в значительной степени сохранил ее на уровне аллофонов согласных. Такова, собственно говоря, суть рассуждений Галтона, в целом тщательно аргументированных. В тех местах, где необходимо, я попытался внести соответствующие поправки.

4. В заключение мы можем сделать некоторые общие выводы относительно славянского, тохарского и алтайского – в терминах как типологического, так и сравнительно-исторического, а также, – в том, что касается типологии, – ареально-типологического языкознания. В некоторых более ранних работах (в первую очередь [Birbaum 1975a; 1975b; 1983]; но см. теперь также [Birbaum 1999b]) я утверждал, опираясь на такие авторитеты, как Л. Ельмслев и Э. Бенвенист, что в том, что касается классификации языков, типология имеет преимущество перед генеалогией, потому что любая группа генетически связанных языков ("семья") одновременно представляет собой типологически определимую языковую группу ("тип"), тогда как обратное не обязательно верно: очевидным образом, далеко не всякий языковой тип может рассматриваться также и как языковая семья. Правда, вопрос о том, какие специфические критерии – фонологические, морфосинтаксические, лексические – и в каком количестве необходимы для постулирования языкового типа, остается спорным. Моя собственная точка зрения (как я уже говорил ранее) состоит в том, что первостепенное значение имеет морфосинтаксический компонент (т.е. собственно грамматический строй) языка – в особенности глубинные значимые элементы, выступающие на поверхностном уровне в виде морфем, и их сочетания в границах отдельного слова, равно как и – вне этих границ – их отражение в поверхностно-синтаксических структурах, – обеспечивающий главные типологические критерии, тогда как звуковой строй и лексика как таковая играют в этом плане самое большее вспомогательную роль. Тем не менее,

как было отмечено, точное число типологических критериев (если, конечно, это число вообще может быть установлено), необходимое для определения отдельного языкового типа, остается предметом дискуссий. Напротив, генетическая связь между языками устанавливается в первую очередь на фонологическом уровне, т.е. в терминах соответствий звуков (тождественных или изменившихся с течением времени), и, в меньшей степени, на лексическом уровне – путем выявления в родственных языках лексем или этимонов общего происхождения (нечего и говорить, что речь идет только об исконных единицах, а заимствования не рассматриваются). Совпадения или сходства в области морфологии и синтаксиса при этом играют второстепенную (хотя не всегда совершенно незначительную) роль. Разумеется, фундаментальный – и не вполне новый – принцип, утверждающий приоритет типологии перед генеалогией в сфере классификации языков, ни в коем случае не означает, что в случае с языковой группой вроде славянской мы не можем обсуждать отдельно генетические связи входящих в нее языков, а отдельно – типологические сходства между ними, поскольку мы учитываем, что вторые всегда так или иначе обусловлены первыми.

Здесь необходимо подчеркнуть еще один момент (я уже сделал это в [Vignbaum 1975c], см. особ. с. 269 со ссылкой на Р. Х. Робинса), а именно, что "чисто ареальное объединение языков, если оно не является также типологическим, не имеет лингвистической значимости". Соответственно, ареалы подлинной лингвистической конвергенции (или *Sprachbunde*), сочетающие типологические критерии с четко определенными ареальными характеристиками, составляют подлинные языковые группы, как показывает, в частности, пример балканского *Sprachbund* (но не плохо определенного яacobсоновского, так называемого "евразийского"), *Sprachbund*, целиком основанного на – всего-навсего двух – фонологических характеристиках). Иначе говоря, сам по себе факт присутствия нескольких языков в некоторой географической (геополитической, территориально-культурной) области, в том случае, если эти языки не обнаруживают достаточного количества общих типологических черт, лингвистически незначим. Каким образом эти соображения приложимы к трем языковым группам – славянской, тохарской и алтайской, – рассмотренным в настоящем эссе?

Славянский, в особенности общеславянский (и засвидетельствованный в памятниках раннеславянский), равно как и тохарский (в обеих его разновидностях, известных начиная со второй половины первого тыс. н.э.), будучи ИЕ языками – и, добавим, представляя древний ИЕ, – естественно, входят в один генетический класс, а именно, ИЕ семью языков. Тем самым они являются также частью особого языкового типа – даже несмотря на то, что их некогда единая фонологическая и морфосинтаксическая структура подверглась существенным изменениям, по крайней мере в некоторых областях их звукового строя и грамматики, хотя и сохранила изначальные черты в других. При этом славянские языки являются в целом гораздо менее архаичной языковой семьей в рамках ИЕ, чем их ближайшие родственники, балтийские языки, ведь многие литовские (и древнепрусские) формы могут быть напрямую выведены из ПИЕ, если не непосредственно отождествлены с ними.

Что же касается соотношения славянского с алтайским, возможные сходства между ними, по большей части в сфере фонологии, недостаточно показательны (и многочисленны) для вывода о принадлежности двух этих групп языков к одному языковому типу. И, учитывая то, что было только что сказано об ареальных группировках, не имеющих существенных общих типологических характеристик, тот факт, что ранние славяне и некоторые алтайские племена могли в определенный момент не просто быть соседями, но и, вполне вероятно, симбиотически занимать один и тот же ареал (или ареалы) обитания, – если, конечно, мы вообще можем говорить о четко определенных ареалах обитания применительно к странствующим по степи кочевникам, – недостаточен для трактовки этих генетически не связанных языков как части единого (ареального) типа, несмотря на мое убеждение в возможном влиянии алтайского на формирование славянского, убеждение, существенно отличное от того, что я думал еще несколько лет назад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернштейн 1958 – *С Б Бернштейн* Балто-славянская языковая общность // *Славянская филология* I М, 1958
- Бернштейн 1961 – *С Б Бернштейн* Очерк сравнительной грамматики славянских языков М, 1961
- Бирнбаум 1997 – *Х Бирнбаум* Еще раз о завоевании Северо-Восточной Европы славянами и о вопросе финно-угорского субстрата в русском языке // *Балто-славянские исследования 1988–1996 Сборник научных трудов / Т М Судник, Е А Хелимский (изд.) М, 1997*
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Т В Гамкрелидзе Вяч Вс Иванов* Индоевропейский язык и индоевропейцы Тбилиси, 1984
- Георгиев 1958 – *В Георгиев* Балто-славянский и тохарский язык // *ВЯ* 1958 № 3
- Зализняк 1962 – *А А Зализняк* Проблемы славяно-иранских отношений древнейшего периода // *Вопросы славянского языкознания* 1962 № 6
- Иванов 1958 – *Вяч Вс Иванов* Тохарская параллель к славянским уменьшительным формам // *Славянская филология Сборник статей / В В Виноградов и др (изд.) М, 1958*
- Иванов 1959 – *Вяч Вс Иванов* (изд.) Тохарские языки Сборник статей М, 1959
- Иванов, Топоров 1961 – *Вяч Вс Иванов, В Н Топоров* К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков // *Исследования по славянскому языкознанию / Н И Толстой (изд.) М, 1961*
- Мартынов 1963 – *В В Мартынов* Славяно-германские лексические взаимодействия древнейшей поры К проблеме прародины славян Минск, 1963
- Порциг 1964 – *В Порциг* Членение индоевропейской языковой общности М, 1964
- Трубачев 1967 – *О Н Трубачев* Из славяно-иранских лексических отношений // *Этимология* 1965 М, 1967
- Трубачев 1968а – *О Н Трубачев* Из опыта исследования гидронимов Украины // *Baltistica* 1968 № 4
- Трубачев 1968б – *О Н Трубачев* Названия рек Правобережной Украины Словообразование Этимология Этническая интерпретация М, 1968
- Трубачев 1977 – *О Н Трубачев* Лингвистическая периферия древнейшего славянства Индоарийцы в Северном Причерноморье // *ВЯ* 1977 № 6
- Трубачев 1979 – *О Н Трубачев* 'Старая Скифия' 'Αρχαία Σκυθία Геродота (IV, 99) и славяне Лингвистический аспект // *ВЯ* 1979 № 4
- Фасмер 1964–1973 – *М Фасмер* Этимологический словарь русского языка Перевод с немецкого и дополнения О Н Трубачева 1–4 М, 1964–1973
- Якобсон 1971 – *Р Якобсон* К характеристике евразийского языкового союза // *R Jakobson Selected writings I Phonological studies The Hague, 1971*
- Anttila 1989 – *R Anttila* Historical and comparative linguistics 2-nd ed Amsterdam, Philadelphia, 1989
- Arumaa 1985 – *P Arumaa* Urslavische Grammatik Bd III Formenlehre Heidelberg, 1985
- Beekes 1995 – *R S P Beekes* Comparative Indo-European linguistics Amsterdam, Philadelphia, 1995
- Birnbaum 1970 – *H Birnbaum* Four approaches to Balto-Slavic // *Donum Balticum Festschrift C S Stang Stockholm, 1970*
- Birnbaum 1975a – *H Birnbaum* Typology, genealogy, and linguistic universals // *Linguistics* 144 1975
- Birnbaum 1975b – *H Birnbaum* Genetische, typologische und universale Linguistik Einige Überlegungen über ihr hierarchisches Verhältnis // *Folia Linguistica* 7 1975
- Birnbaum 1975c – *H Birnbaum* Typological, genetic, and areal linguistics An assessment of the state of the art in the 1970s // *Foundations of language* 13 1975
- Birnbaum 1979 – *H Birnbaum* Common Slavic Progress and problems in its reconstruction Columbus (Ohio), 1979
- Birnbaum 1983 – *H Birnbaum* Language families, linguistic types, and the position of the Rusin microlanguage within Slavic // *Die Welt der Slaven* 28 1983
- Birnbaum 1993 – *H Birnbaum* Nikolai Sergeevich Trubetzkoy The legacy of Genghis Khan and other essays on Russia's identity // *Die Welt der Slaven* 38 1993
- Birnbaum 1998a – *H Birnbaum* The issue of Balto-Slavic revisited // *Политропон К 70-летию Владимира Николаевича Топорова М, 1998*
- Birnbaum 1998b – *H Birnbaum* Common Slavic in time and space // *Scando-Slavica* 44 1998

- Birnbaum 1999a – *H Birnbaum* Noch einmal zur Dehnstufe im Baltischen und Slavischen und zum sogenannten Winterschen Gesetz // *Florilegium Linguisticum Festschrift for Wolfgang P Schmid zum 70 Geburtstag* / E Eggers et al (eds) Frankfurt-am-Main, 1999
- Birnbaum 1999b – *H Birnbaum* On the relationship of typology and genealogy in language classification. Some theoretical considerations and applications to Indo-European // *Language change and typological variation* / In honor of Winfred P Lehmann on the occasion of his 83 rd birthday / C F Justus and E C Polomé (eds) Austin (Texas), 1999
- Birnbaum, Schaeken 1997 – *H Birnbaum, J Schaeken* Das altkirchenslavische Wort Bildung – Bedeutung – Herleitung München, 1997
- Blažek 1995 – *V Blažek* Slavic-Tocharian isoglosses // *Linguistica Baltica 4*. Kraków, 1995
- Damborsky 1967 – *J Damborsky* Participium l-ové ve slovanštině Warszawa, 1967
- Galton 1997 – *H Galton* Der Einfluß des Altaischen auf die Entstehung des Slavischen Wiesbaden, 1997
- Hilmarsson 1996 – *J Hilmarsson* Materials for a Tocharian historical and etymological dictionary Reykjavik, 1996
- Jakobson, Waugh 1979 – *R Jakobson, L R Waugh* The sound shape of language. Bloomington, London, 1979
- Kiparsky 1934 – *V Kiparsky* Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934
- Kiparsky 1975 – *V Kiparsky* Russische historische Grammatik Bd III Entwicklung des Wortschatzes Heidelberg, 1975
- Krause 1952 – *W Krause* Westtocharische Grammatik Bd I Das Verbum Heidelberg, 1952
- Krause 1954 – *W Krause* Das Numerussystem des Tocharischen Göttingen, 1954
- Krause, Thomas 1960–1964 – *W Krause, W Thomas* Tocharisches Elementarbuch. Bd I Grammatik (von W Krause und W Thomas), Bd II (von W Thomas and W Krause) Texte und Glossar Heidelberg, 1960–1964
- Lane 1966 – *G S Lane* On the interrelationship of the Tocharian dialects // *Ancient Indo-European dialects* / H Birnbaum and J Puhvel (eds) Berkeley, Los Angeles, 1966
- Lehr-Spławiński 1957–1958 – *T Lehr-Spławiński* Zur Frage nach der Stellung des Slavischen und des Tocharischen innerhalb der indoeuropäischen Sprachenwelt // *Wiener Slavistisches Jahrbuch 6* 1957–1958
- Mallory 1989 – *J P Mallory* In search of the Indo-Europeans Language, archaeology and myth London, 1989
- Meillet 1908 – *A Meillet* Les dialectes indo-européens Paris, 1908
- Milewski 1993 – *T Milewski* Dyferencjacja języków indoeuropejskich // *Teoria, typologia i historia języka* Krakow, 1993
- Pedersen 1941 – *H Pedersen* Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung København, 1941
- Pedersen 1944 – *H Pedersen* Zur tocharischen Sprachgeschichte København 1944
- Pinault 1989 – *G J Pinault* Introduction au tokharien // *Lalies Actes des sessions de linguistique et de littérature 7* 1989
- Pohl 1988 – *W Pohl* Die Awaren Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n Chr München, 1988
- Polák 1969 – *V Polák* Die Entstehung des Urslavischen im Lichte der neueren Forschung // *Das heidnische und christliche Slaventum* Wiesbaden, 1969
- Reinhart 1992 – *J Reinhart* Die Geschichte des slavischen sigmatischen Aorists // *Rekonstruktion und relative Chronologie* / R Beekes et al Innsbruck, 1992
- Ringe 1996 – *D A Ringe, Jr* On the chronology of sound changes in Tocharian V I From Proto-Indo-European to Proto-Tocharian New Haven, 1996
- Sadnik, Aitzetmüller 1955 – *L Sadnik, R Aitzetmüller* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten Heidelberg, s-Gravenhage, 1955
- Schmidt 1992 – *K T Schmidt* Archaismen des Tocharischen und ihre Bedeutung für Fragen der Rekonstruktion und der Ausgliederung // *Rekonstruktion und relative Chronologie* / R Beekes et al (Hrsg) Innsbruck, 1992
- Schulze 1933 – *W Schulze* Kleine Schriften Göttingen, 1933 IV Abteilung-Tocharisches
- Sieg, Siegling 1908 – *E Sieg, W Siegling* Tocharisch, die Sprache der Indo-Skythen Vorläufige Bemerkungen über eine bisher unbekannte indogermanische Literatursprache // *Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften* Berlin, 1908
- Sieg, Siegling 1921 – *E Sieg, W Siegling* Tocharische Sprachreste Tl I Berlin, Leipzig, 1921
- Sieg, Siegling 1949–1953 – *E Sieg, W Siegling* Tocharische Sprachreste Sprache B Tl I. Die Texte Göttingen, 1949–1953 (новое издание 1983)

- Sieg, Siegling, Schulze 1931 – *E Sieg, W Siegling, W Schulze* Tocharische Grammatik Göttingen, 1931
- Sławski 1974 – *F Sławski* Słownik prasłowiański T I A–B Wrocław, 1974
- Stang 1939 – *C S Stang* Einige Bemerkungen über das Verhältnis zwischen den slavischen und baltischen Sprachen // *Norsk tidsskrift for sprogvidenskap* 11 1939
- Stang 1942 – *C S Stang* Das slavische und baltische Verbum Oslo, 1942
- Stang 1963 – *C S Stang* Über das Verhältnis zwischen den slavischen und baltischen Sprachen // *Prace jezykoznawcze* 5 1963 [= *C S Stang* *Opuscula linguistica* Oslo, 1970]
- Stang 1966 – *C S Stang* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen Oslo, Bergen, Tromsø, 1966
- Stang 1972 – *C S Stang* Lexikalische Sonderbereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen Oslo, Bergen, Tromsø, 1972
- Szemerényi 1990 – *O Szemerényi* Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft Darmstadt, 1990
- Thomas 1952 – *W Thomas* Die tocharischen Verbaladjektive auf *-l* Eine syntaktische Untersuchung Berlin, 1952
- Thomas 1985 – *W Thomas* Die Erforschung des Tocharischen (1960–1984) Stuttgart, 1985
- Udolph 1982 – *J Udolph* Zu slavischen Namen des Lachses // *Die Welt der Slaven* 27 1982
- Vaillant 1950–1966 – *A Vaillant* Grammaire comparée des langues slaves, I, III Paris, 1950–1966
- Vaillant 1957 – *A Vaillant* L'unité linguistique balto-slave // *Filologija* (Zagreb) 1 1957
- Vasmer 1923 – *M Vasmer* Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I Die Iramier in Sudrussland Leipzig, 1923
- Vasmer 1924 – *M Vasmer* Iranisches aus Sudrussland // *Streitberg-Festgabe* Leipzig, 1924
- Vondrák 1924 – *W Vondrák* Vergleichende slavische Grammatik Bd I Lautlehre und Stammbildungslehre Göttingen, 1924
- Watkins 1969 – *C Watkins* Geschichte der indogermanischen Verbalflexion (Indogermanische Grammatik) / Hrsg von J Kuryłowicz Bd III Formenlehre, Erster Teil Heidelberg, 1969
- Windekens 1976–1982 – *A J van Windekens* Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes, I La phonétique et le vocabulaire Louvain, 1976, II/1 La morphologie nominale Louvain, 1982, II/2 La morphologie verbale Louvain, 1982
- Windekens 1989 – *A J van Windekens* Notes d'étymologie et de phonétique tokhariennes // *Tocharian and Indo-European Studies* 3 1989
- Winter 1992 – *W Winter* Tocharian // *Indo-European numerals* / Ed by J Gvozdanović Berlin, New York, 1992.
- Winter 1997 – *W Winter* Lexical archaisms in the Tocharian languages // *Historical, Indo European and lexicographic studies* A Festschrift for Ladislav Zgusta / Ed by H H Hock Berlin, New York, 1997

Перевели с английского С А Бурлак и И Б Иткин

© 2003 г. Вяч.Вс. ИВАНОВ, С.А. БУРЛАК, И.Б. ИТКИН

ПРИМЕЧАНИЯ

1 С точки зрения сторонников принятия идеи родства ностратических языков славянский как один из индоевропейских языков принадлежит к отдаленным потомкам ностратического праязыка, к которому восходят и алтайские языки. Бирнбаум интересовался ностратической гипотезой и не отвергал ее заранее. Но здесь он говорит об отсутствии прямого родства славянского и алтайского (а не косвенного – через очень далеко отстоящий во времени праностратический язык, к которому возводится праиндоевропейский, один из диалектов которого в конечном счете развился в праславянский, как в свою очередь праалтайский дает продолжение в праязыках его ветвей, к которым восходят отдельные алтайские языки). Согласно ностратической теории алтайская семья (в которую специалисты обычно включают теперь корейский и японский) входит вместе с уральским в единую ностратическую семью, внутри которой отмечаются специфические урало-алтайские изогlossы. В духе ностратических построений Иллича-Свитыча алтайский и уральский (финно-

угро-самодийский) относятся к восточно-ностратическим языкам в отличие от западно-ностратического индоевропейского. Однако Б. Чоп [Сор 1979] указал на целый ряд явлений, на основании которых он строил систему индоевропейско-уральских соответствий. Гринберг предполагал родство нескольких семей языков внутри евразийской макросемьи, куда кроме ностратических языков, как индоевропейский, уральский, алтайский, входят также на правах ближайших родственников индоевропейского другие языковые семьи Северо-Востока Азии (чукотско-камчатская, эскимосско-алеутская) и такие обособленно стоявшие языки Дальнего Востока, как нивхский и айнский [Greenberg 2000].

2. Родственный элемент **-m-* некоторые ученые находят в тохарских местоименных энклитиках и хеттских местоимениях, в связи с чем предполагается глубокая древность этого явления, иногда возводимого к состоянию, общему у праиндоевропейского с другими ностратическими, или евразийскими, языками: [Сор 1979: 11–14; Greenberg 2000: 139–144; Иванов 2002: 13–14].

3. Не совсем ясно, какие именно славянские примеры имеет в виду автор. Наиболее бесспорные случаи развития и.-е. **K' > слав. *K* – такие, как *гусь, свекор, звезда* (праслав. **gvězda*), – как кажется, объясняются законом диссимилиации спирантов Мейе. В то же время в балтийских языках имеется ряд аналогичных примеров, не имеющих общепринятого объяснения: лит. *smākras*, лтш. *smakrs* "подбородок" при др.-инд. *śmāśru-* "борода", лит. *klausyti*, лтш. *klausīt* "слушать" при рус. *слушать*, лит. *akmuo*, род. п. *akmeñs* "камень" при др.-инд. *ásman-* тж., ср. [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 112].

4. В лувийском индоевропейские палатальные развились в аффрикаты и далее в спиранты (как показали Морпурго-Дэвис и Хокинз в 1986 г. и почти одновременно с ними Мелчерт в 1987 г.), но, в отличие от других языков *satəm*, лабиовелярные противопоставляются велярным ([Иванов 2001а: 236; Ivanov 1998]; там же см. о палатализации велярных, ниже упоминаемой Бирнбаумом в качестве одного из процессов, которые могут объясняться и параллельным развитием).

5. О проблеме германо-славянских изоглосс в связи с книгой [Stang 1972] см. в последнее время [Бурлак, Мельников, Циммерлинг 2002: 113–126].

6. О лингвистических аспектах славяно-иранского взаимодействия см. статьи Вяч.Вс. Иванова "Славяно-арийские (= индоиранские) лексические контакты" и Д.И. Эдельман "К происхождению иранско-славянских диахронических параллелей" в недавнем сборнике [СЯЭС 2002]. Обе работы содержат обширную библиографию.

7. Для караванных пропусков на тохарском В установлена точная дата – 641–644 гг. н.э.; многие другие тексты могли быть написаны (или, особенно в случае тохарского А, – переписаны с более ранних оригиналов) примерно в это же время: [Pinault 1987: 84–85].

8. Важнейшее значение для исследования тохарского текста "Maitreyasamiti", как и для всей тохаристики в целом, имеет осуществленная Цзи Сянь-линем при участии В. Винтера и Ж.-Ж. Пино публикация обнаруженной в 1974 г. рукописи из Яньци (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) [Ji, Winter, Pinault 1998]; издание снабжено переводом на английский язык и подробным комментарием. См. также статью [Pinault 1999], содержащую полный перечень текстуальных параллелей, выявленных между тохарской и тюркской версиями "Maitreyasamiti".

9. Необходимо отметить выход в 1999 г. "Словаря тохарского В языка" [Adams 1999]. Это издание, готовившееся Д.К. Адамсом на протяжении многих лет, знаменует собой значительный шаг вперед в области лексикологии, текстологии и этимологии не только западно-, но и восточнотохарского языка.

10. Диаграммы Порцига основаны на работах по индоевропейской диалектологии Мейе, Кернса – Шварца и Бонфанте.

11. Ср. [Литвинский 1992: 6–7]. К выводу о раннем отделении тохарского (после анатолийского, но раньше других индоевропейских) приходят авторы новых работ,

применяющих для математической обработки данных индоевропейской диалектологии методы компьютерной кладистики: [Ringe, Wapow, Taylor 2002].

12. Точка зрения Х. Бирнбаума на хронологию истории тохар и носителей других индоевропейских языков представляется спорной. В работе [Бурлак 2000b] на основании глоттохронологических подсчетов обособление пратохарского языка предлагается датировать временем между серединой VII и концом V тыс. до н.э. Такая дата подтверждает гипотезу о более раннем, по сравнению с прочими, отделении пратохарского (как и праанатолийского) от праиндоевропейского.

13. Особого внимания заслуживает несомненный параллелизм (вплоть до возможного тождества локативного префикса) между тох. АВ *yles* (тох. А форма заимствована из тох. В) «явно, открыто (букв. "на глазах")» и ст.-слав. *воочию* "лично, своими глазами" [Бурлак 2000а: 253].

14. Шульце отмечает уникальный характер данного образования, отличного от других семантических типов индоевропейских словосложений, и видит в этом слове след доисторических миграций тохар, см. об этом также [Lewy 1961: 84; Литвинский 1992: 12; Абаев 1958: 304]. Однако сопоставление тохарского А *akmal* с упоминаемым Х. Бирнбаумом славянским названием челюсти, а также с построенным точно таким же образом словосложением со значением "рот" в осетинском заставляет отнестись к этому утверждению с осторожностью.

15. В тох. А слово со значением "плуг" (по всей вероятности, заимствованное из тох. В) встречается только в форме мн. ч. и засвидетельствовано не вполне надежно.

16. Тох. В глагол *enk-* имеет значение "брать" и не вполне ясным образом соответствует тох. А *ents-* тж.

17. Тох. А *kam* надежно засвидетельствовано только в форме мн. ч.

18. Тох. В *karyor* "торговля" представляет собой производное от глагола *käry-* "покупать" и имеет точную параллель в тох. А *kuryar* тж.

19. Точнее, *kercci* (plurale tantum).

20. И тох. В *klyaus-* тж.

21. И тох. В *ku* тж.

22. Значение тох. А слова, засвидетельствованного только один раз (в форме инструменталиса ед. ч. *kulmäntsyo*), устанавливается не вполне надежно.

23. В названии "имени", общем для индоевропейского, уральского, сино-тибетского видят либо след их очень отдаленного родства, либо результат распространения древнего культурного (мифологического) термина: [Kojvulehto 1999: 356; Иванов 2001б].

24. Согласно точке зрения, обоснованной Х. Стангом [Stang 1970], славянские абстрактные существительные с пространственным значением типа др.-рус. *нодъ* содержат общий с древнепрусским суффикс **-d-*; в этом случае сравнение с отраженным в тохарском слове индоевропейским названием ноги невозможно.

25. В славянском, тохарском и хеттском глагол сохранил значение "сохранять заповедь, быть верным словам", которое неизвестно в других диалектах.

26. И тох. В *tuwe*.

27. В тох. А нет глагола *wäl-* "править", но, по-видимому, имеется глагол *wläw-*, соответствующий тох. В *wläw-* "держаться в руках". Возможно, АВ *wläw-* действительно связано с тох. А *wäl*, В *walo* "царь".

28. Последнее из четырех новых славяно-тохарских сближений, предложенных В. Блажеком, представляется несомненно ошибочным. Тох. В *kärkkälle* "грязь" (или "болото, топь"?) и его тох. А соответствие *kärtkäl* – не композит, а субстантивированная форма герундива II от глагола В *kärtk-* "пачкаться (?); испражняться (??)" [Adams 1999: 163]; таким образом, *-l-* в этих словах является не частью корня, а герундивным суффиксом.

Остальные три этимологии, приведенные в работе [Blažek 1995], также кажутся нам в той или иной степени спорными. В то же время В. Блажеку принадлежит це-

льный ряд других тохарских этимологий, многие из которых представляют значительный интерес

29 Предположение о более широкой группе индоевропейских диалектов, характеризовавшейся употреблением *-l-, отстаивал ряд лингвистов, в частности, в своих последних работах Розенкранц, для сравнения со славянским особенно примечательны лидийские формы прошедшего времени, образованные с этим суффиксом, см [Rosenkranz 1978 133]

30 В качестве альтернативы ряд лингвистов предполагает сближение с диалектной индоевропейской (греко-индо-иранской) формой инфинитива на *-dhy-. Выбор одного из этих объяснений зависит и от деталей понимания тохарских процессов палатализации смычных

31 В связи с фигурирующим в самом заглавии соположением трех языковых групп можно заметить, что вопрос о лексических и возможных других свидетельствах контактов алтайских (тюркских и монгольских) языков с тохарским интенсивно изучался, но в большинстве случаев предполагается влияние тохарского на тюркский и монгольский [Владимирцов 1925, Róna-Tas 1974, Литвинский 1992 21, 28–29].

32 В лингвистической и этнологической литературе термин "татары" закрепился за целым рядом тюркских народностей, см об истории и употреблении этого слова [Тенишев 1997 357, 532]

33 Предполагается, что авары были ираноязычной группой, лишь позднее тюркизованной

34 О вероятном приурочении гуннов и (возможно, отличных от них) хун-ну см [Pulleyblank 1962] (гипотеза об их принадлежности к носителям енисейских языков, остающаяся дискуссионной), [Тенишев 1997 52–54]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1958 – В И Абаев Историко-этимологический словарь осетинского языка Т 1 М, 1958
- Бурлак 2000а – С А Бурлак Историческая фонетика тохарских языков М, 2000
- Бурлак 2000б – С А Бурлак История тохарских языков в свете данных глоттохронологии // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия Доклады и тезисы международной конференции М, 2000
- Бурлак, Мельников, Циммерлинг 2002 – С А Бурлак, А С Мельников А В Циммерлинг Параллели между славянскими и германскими языками индоевропейское наследие и типологическое сходство // СЯЭС 2002
- Владимирцов 1925 – Б Я Владимирцов Mongolica I Об отношении монгольского языка к индо-европейским языкам Средней Азии // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук Л, 1, 1925
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Т В Гамкрелидзе Вяч Вс Иванов Индоевропейский язык и индоевропейцы Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры Тбилиси 1984
- Иванов 2001а – Вяч Вс Иванов Хеттский язык 2 изд, исправленное и дополненное М, 2001
- Иванов 2001б – Вяч Вс Иванов Языковые следы мифологии имени // Имя внутренняя структура, семантическая аура, контекст Ч 1 М, 2001
- Иванов 2002 – Вяч Вс Иванов Лингвистика третьего тысячелетия вопросы к будущему // Берестнев Г И (ред) Языкознание взгляд в будущее Калининград, 2002
- Литвинский 1992 – Б А Литвинский (ред) Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье Этнос, языки, религии М, 1992
- СЯЭС 2002 – Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением М, 2002
- Тенишев 1997 – Э Р Тенишев (ред) Языки мира Тюркские языки М, 1997
- Adams 1999 – D Q Adams A dictionary of Tocharian B Amsterdam, Atlanta 1999
- Blažek 1995 – V Blažek Slavic-Tocharian isoglosses // Linguistica Baltica 4 (= Kuryłowicz Memorial Volume, pt 2) Krakow, 1995

- Čop 1979 – *B Čop* Indogermanisch-Anatolisch und Uralisch // Hethitisch und Indogermanisch / Ed by E Neu und W Meid (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft) Innsbruck, 1979
- Greenberg 2000 – *J H Greenberg* Indo-European and its closest relatives The Eurasian language family V I Grammar Stanford, 2000
- Ivanov 1998 – *V Vs Ivanov* Palatalization and labiovelars in Luwian // Proceedings of the Tenth Annual UCLA Indo-European Conference Los Angeles, May 21–23, 1998 Washington, 1999
- Ji, Winter, Pinault 1998 – *Ji Xianlin* (in collaboration with W Winter and G -J Pinault) Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nātaka of the Xingjiang Museum, China Berlin, New York, 1998
- Kojvulehto 1999 – *J Kojvulehto* Verba Mutuata // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 237 Helsinki, 1999
- Krause 1960 – *W Krause* Handeln und Leiden im Spiegel der Sprache // Forschungen und Fortschritte Jg 34 Hf 5 1960
- Lewy 1961 – *E Lewy* Kleine Schriften Berlin, 1961
- Pinault 1987 – *G -J Pinault* Épigraphe koutchéenne // C Huashan, S Gaulier, M Maillard, G Pinault Sites divers de la région de Koutcha Mission P Pelliot Documents archeologiques VIII Paris, 1987
- Pinault 1999 – *G -J Pinault* Restitution du Maitreyasamiti-Nātaka en tokharien A Bilan provisoire et recherches complémentaires sur l'acte XXVI // Tocharian and Indo-European Studies V 8 Copenhagen, 1999
- Pulleyblank 1962 – *E Pulleyblank* The consonantal system of Old Chinese Pt II // Asia Major V 9 Pt 2 1962
- Ringe, Warnow, Taylor 2002 – *D Ringe, T Warnow, A Taylor* Indo-European and computational cladistics // Transactions of the Philological Society V 100 № 1 London, 2002
- Róna-Tas 1974 – *A Róna-Tas* Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen // Sprache, Geschichte und Kultur des Alten Orients 5 Protokollband der XII Tagung der Permanent International Altaistic Conference 1969 / Hrsg von G Hazai, E Zieme Berlin, 1974
- Rosenkranz 1978 – *B Rosenkranz* Vergleichende Untersuchungen der altanatolischen Sprachen The Hague, 1978
- Stang 1970 – *Chr Stang* Eine preussisch-slawische (oder baltisch-slawische?) Sonderbildung // Stang Chr Opuscula linguistica 1970
- Stang 1972 – *Chr Stang* Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen Oslo, Bergen, Tromsø, 1972